

А. Н. Пугачёв

СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ И СИСТЕМА ЕЕ ФУНКЦИЙ

Конституция как важнейший источник права рассматривается с позиций функционального подхода. Функции конституции представлены в историческом контексте и в современном понимании. Объясняются достоинства функционального подхода при изучении основного закона. Изучается вопрос о соотношении функций права и функций конституции. В развитии функций конституции показана роль конституционных судов. Итоговые положения раскрывают роль основного закона как документа с особым статусом.

The constitution is considered from positions of functional approach as the most important source of the right. Functions of the constitution are presented in a historical context and in modern understanding. Advantages of functional approach when studying the basic law are explained. The question of a ratio of functions of the right and functions of the constitution is studied. The role of the constitutional courts is shown in development of functions of the constitution. Final provisions open the role of the basic law as document with the special status.

Ключевые слова: конституция; функции права; направленность воздействия; конституционное правосудие; функции основного закона; юридический документ; источник права.

Key words: constitution; functions of law; influence orientation; the constitutional justice; functions of the basic law; a legal document; source of law.

Введение. Конституция – акт высшей юридической силы в государстве, играющий заглавную роль в развитии всей правовой системы. Поэтому функции любой конституции обусловлены функциями права, базируются на них. Если через функции права раскрывается его сущность в жизни общества, индивида, государства, то через функции конституции (предельно концентрирующей и выражающей систему ценностей для указанных субъектов) можно раскрыть не только сущность и социальное назначение основного закона, но и охарактеризовать основные направления его воздействия на общественные отношения. Такое понимание соответствует смысловому значению слова, так как в переводе с латинского термин *functio* означает «*деятельность, обязанность, назначение*» [1, с. 706], хотя Д. С. Семикин предлагает делать акцент на «исполнении» и «осуществлении» [2, с. 173].

По мнению Н. В. Исакова [3, с. 227], важно обратить внимание на то, что: во-первых, функции как таковые присущи всем правовым актам, по-

скольку каждый из них представляет собой волеизъявление, обязательное для исполнения юридическими и физическими лицами, которым данный акт адресован; во-вторых, функции призваны отражать основные черты принимаемых актов-документов, их природу и строгую направленность на осуществление стоящих перед ними задач; третьих, через функции отражаются основные направления воздействия этих актов на общественные отношения, вытекающие из их сущности, целей и назначения в обществе.

В правоведении под функцией часто понимают внешнее проявление свойства какого-либо объекта в конкретной системе отношений (функции государственных органов, функции юридических документов и т. п.). Но этот достаточно верный подход в силу своего «механицизма» не может быть использован при рассмотрении данной проблемы.

Основная часть. Право как величайшее достижение человеческой культуры выступает антиподом беспорядка, произвола, несправедливости, а поэтому изучать его необходимо в рамках аксиологического подхода (аксиология – наука о ценностях). Ценность права как нормативного регулятора состоит в том, что оно упорядочивает общественные отношения, вводит их в определенные рамки, придает им слаженность, регулярность, предсказуемость. В разнородном обществе всегда возникают различные конфликты и споры, но право в этих случаях служит эффективным средством регулирования и разрешения социальных противоречий: «Специфика правового разрешения конфликтов и проблем в том, что происходит обращение к специальному институту, предполагающему правовые процедуры, участие посредников (судий, адвокатов, юристов), принятие правовых норм, определенное осознание социального назначения права» [4, с. 342]. По выражению А. Ф. Черданцева, «право выступает как средство самоорганизации общества, поддержания социального гомеостаза (равновесия)» [5, с. 179]. В современном государстве именно конституция отражает, выражает и охраняет важнейшие ценности социальной жизни и прежде всего в силу этого, а не столько в силу принудительности обрета в обществе авторитет и уважение.

В исторической ретроспективе достаточно ясную картину о функциях конституции представила М. Н. Каратеева [6, с. 15–37]. По мнению автора, основной и исконной функцией конституции являлось ограничение власти – феодальной власти короля в отношении его благородных вассалов или же верховной власти абсолютистского государства над своими подданными. Помимо своего чисто негативного и защитительного аспекта конституция играет и позитивную роль – уполномочивающую функцию. Данная функция явно преобладает у конституций, в которых весьма сильно выражена забота о сохранении целостности гомогенной государственной власти, как, например, у германской имперской конституции.

При определенных условиях чисто негативная функция конституции может перерасти в механизм дележа власти между социальными силами, ни одна из которых не в состоянии претендовать на властную монополию. В Средние века соглашения между государями, феодальными правителями и городами были преобладающей формой институционализации господства – здесь конституции представляли собой общественные соглашения правящих элит.

Но и в Новейшее время случалось, что конституции являлись в виде заключаемых соглашений (и выступали объектом переговоров). Социальные соглашения о дележе власти свидетельствуют еще об одной функции конституций – об их свойствах учреждать и легитимировать политическое властное полномочие. Например, Великая хартия вольностей [7, с. 128], ограничивающая власть правителя, не несла в себе ни вызова его правлению, ни легитимации такового – легитимность его правления предполагалась изначально и коренилась в структурах феодально-католического устройства. В современном же мире власть государства требует секулярного обоснования. И если с точки зрения политической теологии всемогущий Бог вытеснен народом и его верховной властью, то место Священного Писания занимает конституция. Именно ею стало определяться осуществление легитимного властного полномочия.

С этой легитимирующей функцией была тесно связана интегративная функция многих конституций. Конституции способствовали (и способствуют в настоящее время) интеграции общества, если они олицетворяют цели, чаяния, ценности и основные убеждения, разделяемые его членами и сплачивающие их. Наиболее бросающейся в глаза чертой конституций, уделяющих весьма значительное внимание собственной интегративной функции, является наличие в них более или менее подробного перечня целей государства с одновременной гарантией так называемых социальных прав.

Объем конституционных функций не оставался неизменным в ходе исторического развития, меняясь главным образом по двум взаимосвязанным причинам. Первая, наиболее важная – политическая борьба, ведущая к закреплению ряда демократических прав и свобод. Общество, как известно, не может развиваться без некоторого минимума прав и свобод, которого было вполне достаточно в актах послереволюционного времени. В последующие десятилетия этот минимум увеличился в основном за счет революционной борьбы граждан за свои права. Под влиянием этого же фактора происходит трансформация в отношениях между парламентом и правительством.

Вторая причина, ведущая к усложнению конституционных функций, – требование новых международных реалий, необходимость решения вопросов, приобретающих национальное и международное значение. В кон-

ституциях появляются статьи, предусматривающие возможность изъятия государством частной собственности при неизменном условии «справедливой и полной компенсации». Например, в ст. 44 Конституции Беларуси сказано: «Принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно постановлению суда» [8]. Однако, несмотря на появление у конституций новых функций, многие функции остаются неизменными.

Вопросы о понятии, сущности и непосредственно функциях конституции исследуются уже три столетия со времени появления первых конституций, однако в плане актуальности они относятся к числу далеко не исчерпанных и наиболее сложных в конституционном праве. Их важнейшее теоретическое и практическое значение в современной науке объясняется следующим образом. Во-первых, функции раскрывают основные направления воздействия конституции на общественные отношения. Во-вторых, функции служат лучшим пониманию сущности и социального предназначения конституции. В-третьих, функции показывают эффективность конституционного регулирования в процессе общественного развития, специфику реализации конституционных норм, принципов и институтов [9, с. 122]. Следовательно, функции позволяют раскрыть динамический аспект конституции, с их помощью прослеживается динамика реализации конституционных норм. С принятием новой конституции особенно актуальной становится задача осмысления динамических и эволюционных возможностей, заложенных в ней ее авторами и основателями.

Достоинства функционального объяснения характеризуются его способностью раскрыть значение конституции как отдельного компонента в единой системе, выявляя и обосновывая ее сложные связи с другими правовыми реальностями. Такой анализ дает дополнительные возможности для познания особенностей, специфики самого основного закона. Выстроив обоснованные представления о месте конституции в целостной системе, представляется возможным правильно определить ее цели, признаки, свойства, что, в свою очередь, дает необходимую основу для углубленного изучения ее системно-структурного строения.

В связи со сказанным понятие «функции конституции» должно охватывать одновременно как ее назначение, так и вытекающие из этого направления ее воздействия на общественные отношения. Следовательно, раскрывая содержание какой-либо функции конституции, необходимо постоянно иметь в виду связь конституции с направлениями ее воздействия и назначением основного закона. Основываясь на методологически верном

подходе Т. Н. Радько относительно исследования понятия «функция права» [10, с. 52], можно констатировать следующее. Как социальное назначение, так и направления воздействия на общественные отношения, взятые в отдельности, не исчерпывают собой понятия функций конституции. Если под функциями конституции понимать только ее социальное назначение, то подобное понятие будет носить слишком общий характер. При понимании функций конституции лишь как направлений правового воздействия на общественные отношения упускается из виду направляюще-целевой момент такого воздействия. Таким образом, функции конституции – это реализация ее социального назначения. Но что следует понимать под социальным назначением конституции и ее правовым воздействием?

Социальное назначение конституции формируется, складывается из потребностей общественно-политического развития. Так создается основной закон, призванный закрепить определенные отношения, их регулировать и охранять. Значение принятия конституции тем отчетливее, чем острее ощущается потребность ее новой социальной роли. Упорядоченность общественных отношений через конституцию как единый эпицентр правового развития позволяет им функционировать и развиваться системно и динамично. Предполагаемая стабильность создает предпосылки для реализации прав граждан и нормального существования общества в целом в условиях правопорядка.

Под правовым воздействием конституции можно понимать направления, формы, способы ее влияния на общественные отношения через реализацию принципов и предписаний основного закона в регулируемых сферах. Направленность воздействия – наиболее существенный компонент функций конституции, это своеобразный ответ основного закона на потребности общественного развития, итоговый результат проводимой законодательной политики, через которую выявляются и формируются эти потребности, впоследствии трансформируемые в основной закон.

Следует обратить внимание, что правовое воздействие конституции предполагает не только нормативное, но и идеологическое, психологическое влияние этого акта на действия, чувства, сознание субъектов. Здесь и проявляется воспитательное, ценностно-ориентационное и информационное значение конституции, в то время как конституционно-правовое регулирование всегда осуществляется при помощи системы юридических средств, призванных упорядочить общественные отношения. Следовательно, конституционно-правовое регулирование является одной из форм правового воздействия конституции и соотносится с последним как часть и целое, поэтому Ю. А. Тихомиров актуализирует вопрос о всех возможных способах воздействия конституции на формирование правовой системы [11, с. 245].

Сложной представляется проблема о соотношении понятий «функция конституции» и «функция права». Исходной следует считать позицию, что ни одна из существующих конституций не способна в полном объеме отразить сущностные качества действующей системы права. Различия необходимо проводить прежде всего по объекту воздействия. Но и не только. По мнению И. А. Кравца [9, с. 119], ввиду того что конституция является важнейшим источником права, и не только конституционного, существует соблазн применить теорию функций права вообще по отношению к конституционным нормам, т. е. распространить функции права как такового на основной закон. Отмечается, что при таком подходе следует проявлять осторожность и исследовать функции конституции, исходя из ее специфической и конкретно-исторической роли не только в правовой, политической, идеологической, но и в экономической сферах отдельных стран. В связи с этим особое значение приобретает анализ соотношения типичных и нетипичных проявлений функций конституции при кардинальной трансформации всех важнейших систем (сфер) общества.

Объектом функций права выступает наиболее широкий комплекс общественных отношений, а объектом воздействия функций конституции – определенные общественные отношения, составляющие предмет конституционно-правового регулирования, которое в любом случае выступает индивидуальным, а не общим явлением. Например, в функции конституции вовсе не входит упорядочение отношений в местах лишения свободы, так как это прерогатива уголовно-исполнительной отрасли права, имеющей свой предмет регулирования.

На практике можно наблюдать ситуацию, когда белорусские граждане «забрасывают» по поводу и без повода Конституционный Суд различного рода обращениями (до 1000 в год), рассматривая этот орган как вышестоящую надзорную, апелляционную или кассационную инстанцию. По статистике, более 90 % таких обращений ему не подведомственно. Например, как отмечается в Послании Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2013 году» [12, с. 43], всего в 2013 г. поступило 827 обращений, в том числе письменных – 571, электронных – 94, устных – 148, и лишь часть из них касалась вопросов совершенствования положений некоторых нормативных правовых актов, исполнения и толкования решений Конституционного Суда. Со своей стороны напомним, что граждане Беларуси по вопросам обращений в Конституционный Суд являются неуполномоченными субъектами, а уполномоченные ни разу не обращались, и поэтому в том же 2013 г. Конституционным Судом не было вынесено ни одного заключения, т. е. функция нормоконтроля на 100 % оказалась невостребованной. Конституционный Суд не некая «суперинстанция»,

у него конкретное место в судебной системе и свой объем компетенции. Администрация Президента Республики Беларусь и вовсе представляется для большинства граждан абсолютно всевластным органом, способным рассматривать и решать все вопросы. И конституцию нельзя рассматривать всеобъемлющим документом, ее нормы имеют собственное функциональное назначение, и поэтому она не обладает универсальными свойствами.

Может сложиться впечатление, что переоценка значения функций конституции имеет место только в демократических правовых государствах, где юридические ценности основного закона нередко «фетишизируются» (яркий пример – США). Но это не так. Известный апологет сталинского режима А. Я. Вышинский всегда отстаивал властный элемент в праве, что отразилось и на его трактовке конституции, когда он включил в государственное право всю систему права: «По существу, все отрасли права могут быть включены в круг государственного права, если под этим последним понимать учение о всех сторонах развития и деятельности государства, как они проявляются в тех или иных правовых формах» (цит. по [13, с. 114]). Таким образом, функции конституции и функции права в такой же степени не совпадают между собой, в какой, например, различаются законодательство и система права (см. монографию Ивоны Богуцкой [14]).

Неслучайно функции конституции, закладывающие фундамент единства и стабильности, получают свое выражение в ее метафорическом определении как *основного закона*. Это означает, что конституция не должна идентифицироваться со всем правопорядком, выступать регулятором всех сфер государственной и общественной жизни. Если можно так сказать, конституция лишь планомерно создает открытое правовое пространство для политики, творческой законодательной деятельности, ответственного правящего курса. Другое дело, что действие основного закона может сопровождаться тенденциями сужения либо расширения посредством норм конституции регулирования различных сфер, причем без изменения ее текста.

Например, акцентированное усиление функций основного закона происходит в тех странах, где конституционные суды получили право нормативного толкования конституции (Германия, Словакия, Испания, Россия, Украина). Результат официального толкования конституции органично входит в ее содержание и даже дополняет смысл текста. В частности, в Российской Федерации неопределенность многих конституционных установок была снята именно Конституционным Судом, что позволило придать новые импульсы для прогрессивных конституционно-правовых преобразований. Благодаря Конституционному Суду в Российской Федерации были усилены гарантии реализации прав и свобод человека, способы их защиты; возросла роль негосударственных организаций; четко разграничены предметы ведения и пол-

номочий между органами государственной власти; упорядочена система налогообложения; подтверждено право населения на местное самоуправление и многое другое. О важной роли Конституционного Суда в Украине по этому направлению пишет Т. С. Подорожная [15, с. 130].

Сохраняя консерватизм конституции как основного закона, такая концепция «открытой» конституции позволяет двигаться навстречу социуму, его проблемам и ожиданиям, цивилизованно решать многие вопросы по тем «болевым» точкам, где формальные нормы конституции не могут справиться с возникшей ситуацией. Необходимость в толковании положений конституции в государствах «молодой демократии» возникает довольно часто, поскольку в текстах закрепляются основы нового общественного и государственного строя. Это и есть усиление функций конституции через ее постоянную востребованность и способность реально выступать законом прямого действия! Но любые юридические параметры зависимы от политических реалий. Действительно, с 1993 г. в России достаточно лояльно отнеслись к идее «живой» Конституции и ее «преобразованиям без изменения самого текста, где роль такого преобразователя возложена на Конституционный Суд» [16, с. 26]. Однако в последние годы модель правопорядка, декларируемая Конституцией 1993 г., вошла в очевидное противоречие с политической практикой кремлевского руководства, а деятельность Конституционного Суда в роли стража Конституции стремительно сошла на нет.

В Беларуси ситуация изначально несколько иная. Конституционный Суд не наделен правом официального толкования Основного Закона, а Палата представителей не занимается этой важнейшей юридической деятельностью, о чем говорилось и писалось многократно автором [17–20]. К настоящему времени существует много неопределенностей в понимании положений Конституции, что приводит к противоречивой практике их применения, недостаточной конкретизации в текущем (отраслевом) законодательстве.

Убедиться в этом можно хотя бы по совершенно разной трактовке Верховным Судом Республики Беларусь и Высшим Хозяйственным Судом ч. 2 ст. 112 Основного Закона относительно права (либо обязанности) суда участвовать в процедуре судебного конституционного контроля. Совершенно прав Г. А. Василевич, когда пишет, что «следует предусмотреть право суда обращаться с запросом непосредственно в Конституционный Суд (т. е. надо полагать, минуя Верховный Суд. – *А. П.*), если это вытекает из существа рассматриваемого дела» [21, с. 161]. Однако здесь имеется препятствие, так как по ст. 116 Конституции Республики Беларусь правом направлять предложения Конституционному Суду обладает не каждый судебный орган, а в настоящее время – лишь Верховный Суд. Поэтому И. И. Пляхимович [22, с. 484] убежден, что если суд поставил перед Верховным Судом такой

вопрос, то обращение последнего в орган конституционного правосудия должно поступить обязательно. Даже в вопросе о том, является ли преамбула Основного Закона частью текста Конституции, не сформулировано четкой законодательной позиции (см. [23; 24]).

Конституция не только придает правовую форму тому, что уже достигнуто, но, выступая политико-правовым и социальным ориентиром, устанавливает перед обществом и государством новые задачи и перспективы, определяет основные направления развития всей системы общественных отношений, формулирует необходимые нормативные установки и, моделируя ситуацию, тем самым осуществляет регулирование «на опережение» (выражение А. В. Петровой [25, с. 24]). Только в таком качестве основной закон способен выступать программой конституционной политики государства, действенная реализация которой не позволит привести к застою и стагнации.

Но нельзя впадать в другую крайность. Провозглашение идеи построения правового конституционного государства способствует формированию весьма распространенного мнения о широких социальных возможностях конституции и права в целом, активной роли в создании новых отношений, когда с фактом принятия, например, нового основного закона связывают надежды по решению многих социальных проблем. Преувеличение функциональной роли конституции является проявлением юридической идеализации. Схема «хорошая конституция – желаемые общественные отношения» не всегда отражает реальный механизм функционирования права в целом. Неработающий основной закон (ставший таковым пусть даже в силу благих ожиданий и представлений) не позволяет оценивать его с позиций морального авторитета и реальной значимости, что закономерно перерастает в правовой нигилизм. Справедливости ради скажем, что описываемая ситуация в настоящее время для Беларуси носит гипотетический характер, у нас злободневны проблемы иного порядка.

Итак, согласно распространенному в современной литературе подходу [25, с. 22] анализ функций конституции позволяет полнее раскрыть ее внутреннюю природу, сущность и предназначение; выявить специфику конституционного воздействия на общественные отношения; точнее определить направления и характер этого воздействия; глубже уяснить особенности взаимодействия структурных подразделений системы права; трезво оценить практику ее применения; увидеть новые ориентиры общественного и государственного развития. Только функциональный метод позволяет синтезировать различные характеристики основного закона в полную и развернутую картину его функционирования, выполняя тем самым важную роль в оценке конституции с точки зрения ее правовой и социальной эффективности.

Учтем мнение И. А. Кравца [9, с. 115] о том, что при изучении функций конституции очень важно подвергнуть анализу те сферы, где реализуются

основные функции конституции. Ученый выделяет соответственно три основные сферы: юридическую, политическую и идеологическую, в которых реализуются функции конституции, и для каждой из этих сфер присущ свой набор функций. Здесь, правда, не все ясно, например, с экономической сферой (скажем, профессор Г. А. Гаджиев уже более 20 лет разрабатывает понятие «экономической конституции», и предложенная И. А. Кравцом триада не вполне применима).

Исследователями в области конституционного права предлагаются различные подходы по вопросу классификации функций конституции. Так, С. А. Авакьян [26, с. 138] выделяет учредительную, организаторскую, внешнеполитическую, идеологическую и юридическую функции. А. В. Петрова [25, с. 23] – регулятивную, учредительную, правонаделительную, охранительную, системообразующую, политическую и идеологическую функции. Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин [27, с. 60] предлагают различать общие и специальные функции конституции, а М. Ф. Чудаков [28, с. 133] ограничивается рассмотрением юридической, политической и идеологической функций. Н. А. Боброва [29, с. 144] недоумевает, почему среди функций конституции никто из российских авторов не выделяет функцию обеспечения народовластия, объясняя это приспособлением к существующему режиму. Основными функциями конституции В. О. Лучин [30, с. 33] предлагает считать регулятивную, учредительную, правонаделительную, охранительную, политическую, идеологическую, системообразующую, аксиологическую. По мнению Л. А. Нудненко [31, с. 75], конституции свойственны следующие функции: учредительная, системообразующая, организаторская, политическая. И вовсе кратко В. Н. Кивель [32, с. 29], указывая на юридическую, политическую и идеологическую функции основного закона.

Зная научные позиции перечисленных авторов, нельзя сказать, что представленное видовое разнообразие порождает содержательные разночтения в трактовке функций конституции. Как правило, все современные конституционалисты близки по своим взглядам на проблему функционального наполнения основного закона, что во многом предопределяется схожестью принципиальных установок в вопросах понимания сущности и социального назначения основного закона. Здесь явно прослеживается «европейский вектор». Так, в работе немецкого профессора Ульриха К. Пройсса, посвященной изучению моделей конституционного развития в Восточной Европе [33, с. 126], выделяются такие функции конституции: ограничения власти, «дележа власти» между социальными силами, учреждения и легитимирования, а также уполномочивающая и интегративная функции.

Несколько иначе решается проблема в американском конституционном праве. По мнению Сэта Креймера (цит. по: [9, с. 118]), следует рассматривать

три модели при осмыслении роли конституции, каждая из которых отражает ее определенную социальную функцию. Первая модель подразумевает конституцию в качестве «операционной системы», при помощи которой структурируются важнейшие политические и юридические механизмы общества. По второй модели конституция рассматривается средоточием моральных концепций и идеалов, которыми руководствуется общество (эта давняя британская политическая традиция была воспринята во всех бывших колониях, ставших затем независимыми государствами, о чем убедительно пишет Ниал Фергюсон [34, с. 262]). Третья модель представляет конституцию документом, определяющим национальную идентичность (фраза из Конституции США «Мы, народ Соединенных Штатов» получила аналоговое продолжение в большинстве современных конституций). Предложенный подход может быть адекватно воспринят лишь с учетом особенностей общего права, где принципы справедливости определяют дух всей системы.

Более прагматичный подход предложен американскими конституционалистами В. К. Джексоном и М. Ташнетом. Они называют следующие функции конституции (цит. по: [35, с. 52]). Конституция (надо полагать, американская. – *А. П.*) – это: 1) хартия для управления, она дает правительству право действовать в определенных пределах и позволяет выбирать методы для управления (в англосаксонской литературе под правительством понимают не столько привычный нам Совет министров, сколько всю управляющую систему. – *А. П.*); 2) защитник основных прав, принадлежащих человеку; 3) «договор, символ и вдохновение», твердое намерение нации жить совместно («как в браке») для процветания во время мира и войны (как же это напоминает обещание брачующихся протестантов «жить неразлучно в счастье и горести»! – *А. П.*). Нетрудно заметить, что такое определение функций конституции обозначено в рамках социологической школы права.

На важное обстоятельство обращает внимание Л. С. Мамут, когда говорит о невозможности дать исчерпывающий перечень функций, который должна выполнять конституция: «Не было также намерения показать все ее значение, то есть исследовать производимые или могущие произвести ею социальные эффекты. Составить такой перечень физически невозможно потому, что эти эффекты представляют собой принципиально открытые ряды» [36, с. 59]. Ученый в своих многочисленных публикациях на тему государственно-правовых трансформаций наглядно показывает, что многие важнейшие институты (конституция в том числе) на адресуемые им новые функциональные требования реагируют тем, что получают роли, которые прежде не исполняли, и приобретают значения, которых ранее не имели. Увы, в жизни не всегда так, как полагает маститый ученый. Отказ от реализации принципов демократически-правовой государственности, их дискредитация с неминуемым

воскрешением культа иррационального – явления достаточно распространенные на постсоветском пространстве. В таких условиях социальная значимость основного закона сходит на нет, его функции номинальны.

Какие же параметры должны быть учтены при характеристике функций конституции, какие качества и значения представляются наиболее важными? Как нам представляется, статус конституции в обществе и государстве характеризуется в двух тесно связанных измерениях – общесоциальном, в котором основной закон рассматривается как явление культуры, оказывающее широкое, во многом ненормативное воздействие на весь спектр общественных отношений, и собственно юридическом, в рамках которого конституция реализуется через специальную, присущую только ей систему средств воздействия.

При рассмотрении проблемы выявления функций конституции перспективным представляется научный подход российского автора К. В. Каргина [37, с. 48], который рассматривает любой материальный носитель правовой информации в качестве юридического документа. Полагаем, что и основному закону в таком преломлении свойственны все характерные функции юридического документа, которые делятся на общие и специальные. Оригинальна позиция Т. Я. Хабриевой и В. Е. Чиркина [27, с. 60], рассматривающих функции конституции через отражение диалектики общего, особенного и единичного. Слабая разработанность данной проблемы в юридической литературе во многом объясняется новизной функционального подхода в сфере конституционно-правовых исследований (хотя, например, изучение проблем функций государства носит многолетний и интенсивный характер). О типичных ошибках в научных исследованиях при использовании функционального подхода пишет В. М. Сырых [38, с. 363–366]. И вовсе удручает тот факт, что в новейшей учебной литературе по конституционному праву вопрос о функциях конституции чаще всего сводится лишь к их перечислению, в лучшем случае – краткой характеристике. В этом прослеживаются отголоски советской традиции, сформировавшейся в эпоху, когда основной закон страны не являлся таковым по сути, выступая ширмой партийным директивам.

В ходе исследования конституции как юридического документа не следует ограничиваться только функционально-динамичным подходом, который позволяет взглянуть на нее как на действующий феномен. Дело в том, что конституция и в статике также выполняет свои функции (например, сохранение информации). Но все же большинство функций основного закона проявляется именно в процессе его реализации, воплощения в жизнь установок, заложенных в нем. С учетом сказанного следует говорить о функциях конституции не только как о направлениях воздействия, но и как о внешних проявлениях ее свойств в системе общественных отношений. Именно функции конституции,

формально провозглашенные и практически реализуемые, наиболее полно позволяют понять ее сущность и содержание.

Заключение. Конституция в силу своего основного статуса выступает в самых разных качествах и значениях, ее функциональный потенциал во многом непредсказуем даже для самих авторов и «реализаторов» конституционных принципов и норм, поэтому необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, основной закон играет особую роль как разновидность юридического документа, что подчеркивает важность его как средства закрепления, хранения, передачи информации. Во-вторых, он может рассматриваться индикатором правовой культуры общества. В данном значении конституция выступает важнейшей вехой исторического и культурного значения, показателем развития права во времени. В-третьих, основной закон может рассматриваться как квинтэссенция правосознания. В зависимости от исторического отрезка времени правосознание коренным образом может изменяться, что наглядно иллюстрируют все пять белорусских конституций. В-четвертых, являясь законом прямого действия, конституция выступает основой юридической практики во всех сферах: нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной. Более того, в самом тексте указываются конкретные правовые действия, методы, средства и процедуры их осуществления, юридическая сила важнейших актов (например, это целиком относится к функционированию Конституционного Суда Республики Беларусь). В-пятых, конституция сама является актом юридически властного волеизъявления, что очень важно с политической точки зрения («Мы, народ Республики Беларусь...»). В-шестых, основной закон является важнейшим элементом механизма правового регулирования, прежде всего – как базовый источник права для всей системы.

Библиографические ссылки

1. Словарь иностранных слов. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949.
2. Семикин Д. С. Функции судебных актов // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 3. С. 172–176.
3. Исаков Н. В. Правовая политика современной России: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Ростов н/Д, 2004.
4. Розин В. М. Развитие права в России как условие становления гражданского общества и эффективной власти. М. : Моск. психол.-социал. ин-т, 2005.
5. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 1999.
6. Каратеева М. Н. Гарантирующая функция Конституции Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Ставрополь, 2005.
7. Памятники истории Англии X–XIII вв. Великая хартия вольностей, 1215 г. [Электронный ресурс] : Русский и латинский тексты Великой хартии вольностей

и других документов / пер. и введ. Д. М. Петрушевского. М. : Соцэкгиз, 1937. № XIII. С. 96–116. // Юридическая Россия. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1259236> (дата обращения: 24.05.2016).

8. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Минск : Амалфея, 2008.

9. *Кравец И. А.* Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004.

10. Общая теория государства и права : академ. курс : в 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. проф. М. Н. Марченко. М. : Зерцало-М, 2001. Т. 2.

11. *Тихомиров Ю. А.* Правовое регулирование: теория и практика. М. : Формула права, 2008.

12. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь, Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь, Совету Республики Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2013 году» // *Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь*. 2014. № 1. С. 29–51.

13. *Имре Сабо.* Основы теории права : пер. с венг. / под ред. и с вступ. ст. д-ра юрид. наук В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1974.

14. *Bogucka I.* Funkcje prawa. Analiza pojęcia [text]. Kraków : Kantor Wydawniczy Zakamycze, 2000.

15. *Подорожна Т. С.* Теоретико-прикладні засади конституціоналізації правової системи та модернізації Конституції України : монографія / за ред. і з передм. проф. Н. М. Пархоменко. Львів : ПАІС, 2014.

16. *Кабышев В. Т.* Конституционные ожидания // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 24–27.

17. *Пугачев А. Н.* Особенности толкования Основного Закона в пределах судебного конституционного контроля // Вестник Полоцкого государственного университета. 1999. № 2. С. 43–47.

18. *Пугачев А. Н.* Судебный конституционный контроль и толкование Основного Закона // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. 2005. № 8. С. 152–156.

19. *Пугачев А. Н.* Конституционные суды и проблемы толкования основного закона // Правоведение : межвуз. науч.-метод. сб. / НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005. С. 53–57.

20. *Пугачев А. Н.* Правотворческий процесс : учеб.-метод. комплекс для студентов юрид. спец. 1-24 01 02 «Правоведение». Новополоцк : ПГУ, 2010.

21. *Василевич Г. А.* Конституционное правосудие : учеб. пособие. Минск : Изд. центр БГУ, 2014.

22. *Пляхимович И. И.* Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. Минск : Амалфея, 2015. Т. 2.

23. *Пугачев А. Н.* Структура Конституции и критерии ее эффективности как логически цельного документа // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. 2012. № 6. С. 97–105.

24. Бибило В. Н. Проблемы юриспруденции : избр. тр. Минск : Право и экономика, 2010.
25. Петрова А. В. Функции Конституции России (понятие и виды) // Закон и право. 2003. № 6. С. 22–27.
26. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. М. : Юристъ, 2005. Т. 1.
27. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М. : Норма, 2005.
28. Чудаков М. Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. пособие. Минск : Новое знание, 2001.
29. Боброва Н. А. Конституционный строй и конституционализм в России / Фонд содействия правоохранительным органам «Закон и право». М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2003.
30. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
31. Худненко Л. А. Конституционное право России : учеб. для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014.
32. Кивель В. Н. Конституционное право Республики Беларусь : учебник. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2012.
33. Пройсс У. Модели конституционного развития и перемены в Восточной Европе // Полис. 1996. № 4. С. 125–136.
34. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / пер. с англ. К. Бандуровского. М. : Астрель: CORPUS, 2013.
35. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В. Е. Чиркин. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014.
36. Мамут Л. Конституция Российской Федерации в XXI веке // Сравнительное конституционное обозрение. 2003. № 4 (45). С. 59–64.
37. Каргин К. В. Юридические документы / науч. ред. В. А. Толстик. М. : Юристъ, 2008.
38. Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. М. : Юстицинформ, 2004. Т. 2 : Логика правового исследования (Как написать диссертацию).

Статья поступила в редакцию 14.04.2015